

НАДЕЖДА И НИКОЛАЙ
ЗОРИНЫ

NEW

КРИМИНАЛЬНЫЙ ТАЛАНТ

ОБОРВАННЫЕ СТРУНЫ

Чужие воспоминания и привычки вливались в ее жизнь.
И неужели она могла совершить убийство?..

Николай Зорин
Надежда Зорина
Оборванные струны

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=590155

Оборванные струны: роман: Центрполиграф; Москва; 2011

ISBN 978-5-227-02619-4

Аннотация

После пересадки почки жизнь Ксении Зиминной изменилась. Она увлеклась кинематографом и, купив очередной диск, с удивлением и страхом обнаружила себя в главной роли фильма «Эпилог». На экране женщина, удивительно похожая на Ксению, но гораздо более раскованная, вызывающе одетая и с ярким макияжем, стреляла из пистолета в мужчину. После просмотра фильма Ксения из скромной, застенчивой преподавательницы иностранных языков начала вдруг превращаться в эту эффектную женщину без комплексов. Чужие воспоминания и привычки вливались в ее жизнь, Ксения уже не понимала, кто она: неприметная серая мышка или сексапильная кинодива. И неужели она могла совершить убийство?...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	40
Глава 3	69
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Надежда Зорина, Николай Зорин

Оборванные струны

Роман

Глава 1

«Эпилог»

Страх пришел позже. Да, много позже, когда я посмотрела фильм. А в тот момент был даже не испуг. Удивление, изумление, не знаю, как передать это ощущение, но только не страх. Скорее уж шок, как от удара током. Электрошок удивления – вот на что было похоже мое состояние, когда я увидела себя на обложке диска. Подобного быть не могло, никак не могло, и, однако, было.

Я не актриса, никогда не снималась в кино, так что же я делаю здесь, на обложке? Просто очень похожая женщина? Да нет же, нет, это я, без всяких сомнений. Хоть и никогда не надела бы такой костюм, хоть и никогда не носила такой прически, и цвет волос не мой. В руке она держит пистолет, так уверенно держит. Я никогда не видела настоящего пистолета, только в кино, только в виде игрушки, и ни за что

не осмелилась бы взять его в руки, но это я.

Не сон и не наваждение. Я слышу шаги других покупателей, впрочем, их не особенно много – магазинчик совсем крошечный, слышу звуки стрельбы и отчаянные голоса: продавщица поставила какой-то боевик. Все как обычно. Сюда я захожу очень часто, не реже двух раз в неделю, потому что с некоторых пор стала заядлой киноманкой и потому что мне нравятся именно такие маленькие магазинчики. Разве могла я ожидать подвоха? Просто наведальась в магазин DVD, в «мой» магазин, чтобы проверить, не появилось ли чего-нибудь свеженького, направилась к стенду с новинками... Появилось, еще как появилось!

Мой взгляд намертво приклеился к лицу на обложке. Хочу отвести и не могу. Как называется фильм, в котором я сыграла главную роль, кто режиссер? Шаги прошли совсем близко, за моей спиной, остановились. Я слышу чужое дыхание, пугаюсь, что этот человек сейчас увидит меня на обложке диска, и наконец заставляю себя оторвать взгляд. Становится немного легче, но опасность не прошла, надо что-то делать. Воровским движением снимаю с полки диск, прячу под куртку и оглядываюсь на того, кто стоит у меня за спиной. Мужчина. Он мне подмигивает. Наверное, решил, что я совершаю мелкое воровство, наверное, и сам на такое способен. Не знаю зачем, я ему тоже подмигиваю и направляюсь к кассе. Диск кладу лицевой стороной вниз, чтобы продавец ничего не заметила, расплачиваюсь и буквально выска-

квиваю из магазина. Вряд ли когда-нибудь еще сюда приду. Как жаль! А впрочем... Мысли начинают путаться, возникает странное ощущение: смесь какого-то щекочущего любопытства и ужаса, как бывает, когда прыгаешь вниз в темноте и не знаешь, далеко ли до земли.

Почти бегом возвращаюсь домой, совсем позабыв, куда и зачем шла, закрываю дверь на все замки, задергиваю шторы и только после этих, в сущности, совершенно ненужных мер предосторожности – с некоторых пор я живу одна и никто ко мне в гости не приходит – ставлю диск.

Мои слова заглушает лай собаки, и я не могу разобрать ни звука. О чем я говорю, прежде чем выстрелить? Черно-пегий спаниель мечется по поляне, похоже, пытается предотвратить убийство... Я напрягаю слух, чтобы расслышать, – и не могу. Перекручиваю на начало сцены, снова вслушиваюсь – ничего. А дальше следует выстрел. Я стреляю в человека, в мужчину. Кто он такой? Я не знаю его.

Лента называется «Эпилог», так написано на обложке. Там, в магазине, я не смогла прочитать название – перевести взгляд чуть ниже, под картинку, под свое лицо. В фильме почти нет сюжета, да и длится-то он от силы минут семь. Да и вовсе это не кино в обычном понимании – просто любительская съемка. Документальная съемка, когда устанавливают камеру и она сама снимает все подряд. Мужчина и женщина – я и незнакомый мне человек – приехали на пикник, чтобы

отпраздновать день рождения, его день рождения. Поляна в лесу, посреди – стол, накрытый белой нарядной скатертью, уставленный совсем не характерными для пикника закусками и напитками: какие-то, на вид очень вкусные, салаты в вазочках, огромный омар, еще что-то, мне абсолютно неизвестное, коньяк, шампанское и какое-то вино. На краю стола пачка сигарет и пепельница – она меня почему-то смущает, что-то в ней ненормальное... А впрочем, все это есть ненормальность. Я и этот незнакомый мужчина (по фильму получается, что он мой муж) отмечают семейное торжество. Рядом крутится собака. Мужчина смеется, я тоже смеюсь, собака дружелюбно поскуливает. Я поднимаюсь, чтобы произвести очередной тост, – и тут...

Я не понимаю, почему убиваю его, о чем я говорю, перед тем как выстрелить. Спаниель в отчаянии ужаса мечется по поляне с невыносимым лаем. Почему он не бросился на меня, не выбил из рук пистолет, не предотвратил убийство? Я видела в кино, как собаки не раз проделывали такие штуки и тем спасали жизни.

Документальная съемка. Все это было на самом деле. Этого быть не могло! Я никогда не убивала. Я не могла убить. Да я и не знаю этого человека!

Я не знаю его. Не знаю, никогда в жизни не видела. Я отчаянно цепляюсь за эту мысль: невозможно ведь убить человека, которого не знаешь, значит, и не убивала...

Чушь собачья! Как будто я могла бы убить того, кого зна-

ла!

Документальная съемка... Съемка убийства, настоящего убийства, где я в главной роли... Да нет, ни о какой роли речи не идет – это не роль, а зафиксированное преступление. Я – убийца. О господи!

Разбитый стакан, под ногами мокро, и голос нежный, ласковый шепчет: ничего, ничего, да вот она уже и приходит в себя, и новые ласковые голоса, хором: ах, как ты нас напугала! – и далее обморок.

Никакого стакана, никакого обморока, никаких голосов – я одна, и помочь мне совершенно некому. Вот уже почти год совершенно одна: муж от меня ушел к другой женщине, подруга со мной раздружилась, близкие отвернулись: говорят, ты так изменилась, теперь совсем другой человек. Я стала им чужой, для всех чужой, когда обрела новую жизнь. Обновленная, я им не понравилась. Да еще это внезапное увлечение кинематографом.

Обморок мне не светит: кто же из него меня вытащит? Сочувствие мне теперь не полагается: я больше не больна. Разбирайся сама как знаешь.

Да как же тут разберешься?

Я ведь просто зашла в магазин, в «мой» магазин, в котором бываю не реже двух раз в неделю.

Я просто хотела купить новый диск... А стала убийцей. Вернее, узнала, что являюсь убийцей.

Нет, это невозможно! Никогда не поверю в это. И пусть

мне предъявят еще тысячу доказательств, все равно не поверю. Нужно успокоиться и попытаться опровергнуть, привести собственные доказательства своей невиновности.

Я не убивала, потому что я не убийца. Это прежде всего, и это главное. И потом, я ведь не знаю того человека...

Стоп! Это уже было. Этим путем я уже шла. Нужно перестать нервничать, взять себя в руки, может быть, заварить крепкого чая, отвлечься и снова попробовать: вернуться в те самые семь минут фильма и попытаться найти доказательства...

Чай не поможет. Так я сказала себе, когда разбила заварочный чайник. Твердо сказала, чтобы подбодрить, чтобы не дать панике завладеть мною полностью. Ну и бог с ним, с чаем. Хоть руки и дрожат, это ничего не доказывает, просто я немного разволновалась.

Руки дрожат – вот ведь и доказательство. Разве я могла бы удержать пистолет такими слабыми, дрожащими руками? Конечно, не могла бы! Да я в глаза не видела ни одного настоящего пистолета!

Подбодренная, вернулась в комнату и снова поставила диск.

Лай собаки заглушает мои слова, и я не могу разобрать ни звука. О чем я говорю, прежде чем выстрелить? Черно-пегий спаниель... Как его зовут? Хочу прикрикнуть на него, заставить замолчать, но не могу, потому что не помню имени. Ах, черт! Не то. Имени я попросту не знаю. У меня никогда не

было собаки, я вообще не люблю собак, я их боюсь. Да замолчи, замолчи на минутку, чужая собака!

Лай собаки... Все равно – слов мне не разобрать. Взгляд трусливо убегает в сторону, скользит по книжным полкам. Петрарка, Кортасар, Майринк, Гаршин... Как неправильно, не по порядку, как наплевательски непочтительно расставлены книги! Да я вообще ужасная неряха. С некоторых пор. С тех пор, как увлеклась кинематографом, с тех пор, как стала здоровым – нет, новым, новым, другим человеком. А впрочем, книги как раз расставлены правильно – эти страдальцы и должны быть вместе. Я тоже страдала, я знаю... Боль, до недавнего времени, была основной моей сутью. Не возвышенная, как у них, а самая что ни на есть плотская, но это не так и важно.

Я болела всю жизнь, с раннего детства. И мой образ складывался исходя из этой болезни: беззащитная слабость и трогательная утонченность – так меня представляли окружающие, так я и сама привыкла о себе думать. Никакой утонченности в моей паскудной болезни не было! Был стыд, была вечная боль, унижительные процедуры, годы в ожидании донора и подлая эгоистичная радость, что донор наконец найден. Я старалась не думать, как именно он найден. И снова боль, боль, боль и самодовольный возглас доктора: почка работает! – как будто речь шла о каком-то сложном насосе, который он сам изобрел, а не о человеческом органе.

Выздоровливала я трудно и медленно. Вот тогда-то мне и

помогло кино. В палате был DVD-плеер и множество дисков. Я смотрела фильмы целыми днями, чтобы как-то отвлечься от боли, и не заметила, как подседа на кино.

Почему-то мое новое увлечение очень раздражало окружающих. Да и я сама, выздоравливающая, обновленная, стала их раздражать. А когда выздоровела окончательно, они от меня попросту отвернулись. Наверное, все наши отношения строились лишь на том, что они меня опекали и оберегали, а я эту их заботу безропотно принимала и была благодарна. А теперь, став самостоятельной, взбунтовалась. Этого они простить не смогли. Вот так я и осталась одна, но до сегодняшнего дня одиночество меня совсем не тяготило, мне оно даже пришлось по вкусу – одиночество я воспринимала как свободу: куда хочу, туда и иду, чем хочу, тем и увлекаюсь. Я даже из университета, где преподавала (а больше числилась – во всем виновата проклятая болезнь) сравнительную грамматику, ушла на вольные хлеба, став репетитором английского и французского. С наступлением летних каникул моя свобода расширилась до безграничности: до сентября мои услуги никому не понадобятся. Как школьник-двоечник, я радовалась этим каникулам, по существу, первым настоящим в моей жизни, таким вот бездельно безответственным.

В общем, я была одинока, но абсолютно счастлива. Пока не натолкнулась на этот диск.

Лай собаки... Да ведь это же просто безумие! Почему я

так испугалась? Почему с таким упорством пытаюсь услышать слова? Какая разница, о чем говорит эта женщина? Я не убивала, я – не она! Ну и пусть съемка, ну и пусть документальная, я знаю, что никогда не совершала преступления. Да вообще, никакая это не я. Я никогда не надела бы такой костюм, на мой взгляд вульгарный и абсолютно безвкусный, я никогда так не стригла волосы, да и цвет не мой: я – блондинка, а эта – рыжая. И вот еще: пепельница находится рядом с ней, значит, она курит, я – не курю, даже вообразить себя не могу курящей. И вино у нее в бокале... Я стопроцентная трезвенница. На праздники мне наливали сок. Наливали... Теперь буду наливать себе сама. Ну, не суть. И жесты ее – не мои жесты, и движения – ничего общего с моими не имеющие. Сидит нога на ногу, да еще в такой короткой юбке. Я бы в жизни так не расселась.

Опускаю невольно глаза – и наталкиваюсь на свою совершенно невозможную позу: я сижу забросив ногу на ногу.

Но ведь я же не знаю этого человека! Не знаю...

Лай собаки... И собаку вижу впервые! О чем я ему говорю? За что убиваю? За что я в принципе могла бы убить?

В испуге и смущении меняю позу: сажусь прямо-прямо – и понимаю, что так мне ужасно неудобно. Но ведь я же...

Я просто зашла в магазин и купила... Нет, сначала увидела... и только потом купила, но все равно. Разве могла я подумать, разве ожидала?...

Кортасар там совершенно неуместен, он чужой в этой

компании. Надо подняться и переставить. А потом все же заварить чай. В кружке. А завтра зайти в магазин и купить новый чайник. Зайти в магазин... и купить...

Я не справлюсь одна! Одна теперь я просто не выживу. Почему я его убила? О чем говорила, прежде чем выстрелить?

Пепельница. Почему она меня так смущает? Что в ней неправильного, ненормального? Какая-то надпись на ней – не могу разобрать. Остановить кадр? Да нет, дело не в надписи. Пепельница... Стоит на столе, накрытом белой праздничной скатертью, возле меня стоит... Кто же накрывает стол скатертью на пикнике? Кто же берет с собой в лес пепельницу? Зачем она там стоит?

Подняться и переставить Кортасара.

А на траве валяется какая-то книга, я ее сразу и не заметила. Странно. Еще одна совершенно неуместная вещь. Мужчина и женщина – я и мой муж – приехали праздновать день рождения, при чем же здесь книга? Из книги вместо закладки торчит конверт, на нем что-то написано – не разобрать. Что это за книга? Какую такую книгу я взяла на пикник? Мне нужно узнать...

Нажимаю на стоп – кадр замирает. Ах, боже мой, никакая это не книга – журнал. «Кинотрек». Пятый номер. За прошлый год. Я знаю этот журнал! Я прочитала его от корки до корки, там, в больнице, в прошлом году, в августе. Не знаю, кто мне его принес. Никто не признался, я спрашивала. Про-

сто однажды обнаружила его у себя на тумбочке. Мне было очень плохо и больно, строчки плыли, лица на фотографиях расплывались.

Это мой журнал! Костюм не мой, прическа не моя, жесты чужие, но журнал точно мой.

Но я не убивала.

И вообще не знаю этого человека.

И никогда не бывала на пикниках.

И мой муж жив и здоров.

И... Да разве можно купить такой диск в обыкновенном магазине? Разве можно купить съемку собственного преступления? О котором к тому же понятия не имеешь?

История Древнего Рима по соседству с Андреем Белым, а дальше Бальзак, Достоевский, Камю – как все перепуталось! Сэмюэль Беккет. Изгнанник. Изгнанница я! Может, тогда я не пережила операции?

Кто этот человек, кто он, кто? В жизни я его никогда не встречала, но, может быть, в смерти?...

Реальность ускользает. Это похоже на обморок, только без дурноты. Надо срочно заварить чай, выключить плеер и позвонить мужу.

С трудом, медленно и неуклюже, словно и в самом деле умерла, я поднялась, пошатываясь, дошла до кухни, включила чайник...

Я болела всю жизнь – и всю жизнь обо мне кто-то заботился, кто-то постоянно был рядом. Но выздоровела – и осталась

одна. «У тебя ужасно испортился характер!» – заявили они и меня бросили. Или не бросили, а... «они меня одели и денег дали»?¹ «Кровать разобрали, куски унесли»?² Ах нет, конечно! Чай отдает травой, как когда его только заваришь, как когда он еще не успел настояться – я прекрасно различаю этот запах. Делаю глоток, другой – и отставляю чашку. Мне приходит в голову мысль. Иду в прихожую – там висит огромное, во всю стену, зеркало. Опускаюсь на пуфик, перевожу дух – мне страшно и весело, непривычно весело, будто собираюсь совершить некий хулиганский поступок, нечто запретное. Приподнимаю футболку, приподнимаюсь сама, приподнимаю взгляд – готова? Да что там тянуть! Я готова.

Вот он, шрам, бледно-розовый, справа. Все еще розовый, ведь даже года не прошло. Рывком сдергиваю с себя футболку, а затем и брюки. Немного холодно, немного знобит, а в целом мой эксперимент можно считать удачным: больше никаких шрамов нет, тех шрамов, которые непременно остались бы после вскрытия.

Долго и как-то бесстыдно рассматриваю свое тело в зеркале. А впрочем, при чем тут вообще стыд, ведь это тело – мое. И не только мое. Не это главное. Тело – живое: проверено, доказано и утверждено. И словно чтобы поставить окончательную резолюцию, закрепить последней печатью сей документ, провожу пальцем по шраму и для сравнения по дру-

---

¹ С. Беккет. Конец игры.

² Там же.

гому боку, левому, где все гладко и чисто. Да, я жива. Можно одеваться. Но я медлю. Ловлю себя на мысли, что мне нравится смотреть на свое тело – мне нравится мое тело. Неплохая фигура, черт возьми, почему же я раньше этого не замечала? Зачем носила такую мешковатую одежду, вечно выбирала длинные юбки или широкие брюки? Зачем прятала свое тело? Мысленно одеваю себя в тот костюм с диска – дерзковато, но вовсе не вульгарно, и, кажется, мне идет. Сажусь на пуфик, закидываю ногу на ногу, улыбаюсь себе...

Снять! Немедленно снять этот ужасный костюм! И перестать так себя вести! Ужасная женщина! Непристойная женщина! Никаких моральных принципов. Такая вполне могла бы выстрелить...

Ей идет пистолет. В ее руке он даже смотрится стильно.

Ей идет, а мне нет!

Суетливо, словно меня застали врасплах, одеваюсь. Рукав у футболки вывернулся и никак не хочет встать на место, штанины у брюк перекрутились. Впадаю в панику, словно мой муж застал меня врасплах у любовника. Или жена любовника застала. Ах, какая глупость! Что я знаю вообще о любовниках, что я знаю об их женах, что я знаю об обманутых мужьях? Но брюки никак не натягиваются, запуталась окончательно...

Сгрэбла одежду в охапку, прижала к голой груди и бросилась в кухню. Захлопнула дверь и только тут смогла перевести дух, а потом и одеться.

... Чай остыл. Зато перестал пахнуть прелой травой. Зубы стучат о край чашки. Хотела выпить залпом, как воду из графина – *головокружение в кабинете официального лица, вода течет по подбородку и попадает за ворот, руки трясутся и не удерживают стакан*, – но только подавилась. Все это глупости. Нужно успокоиться. Ведь, конечно, нет никакого диска. Ведь, конечно, никакого такого диска быть не может. Нужно просто позвонить мужу – что может быть проще? Позвонить, поговорить, рассказать... «Представляешь, со мной произошла совершенно невозможная история. Я зашла в магазин, ну, тот, помнишь, возле нашей остановки, и... Приезжай, пожалуйста, мне очень нужна твоя помощь, мне очень нужно видеть тебя – *увидеть*, – потому что все это, конечно, просто смешно, но... Так что приезжай поскорее».

Я скользнула в прихожую – *прошла решительным шагом*, придвинула пуфик к столику, на котором стоит телефон, опустилась на краешек – *удобно уселась, закинув ногу на ногу*, набрала номер. Гудки, долгие, безнадежные – он не ответит, уже поздняя ночь, я видела краем глаза часы на стене, когда была на кухне, но не придала положению стрелок никакого значения, а сейчас-то понимаю. Он не ответит, он не любит ночных звонков, а если бы и захотел вдруг ответить, то ему не позволила бы женщина, которая спит теперь с ним рядом. Он не ответит, не приедет, нужно дожидаться утра. *Утра дожидаться бессмысленно!* Бесконечные, заунывные гудки, равномерно, неторопливо идущие, один за

другим. Как в джазовой композиции «Караван». Мой караван гудков не собьется с ритма...

Трубка вздохнула, сердито, волшебным образом обрывая гудки.

– Привет! Это Ксения! – поспешино крикнула я в трубку, боясь, что ее повесят. – Хай! Это я! – нагло проговорила я, подражая женищине с диска.

– Господи! Ты хоть изредка смотришь на часы? Половина третьего.

– Да, извини, понимаю, – пролепетала я испуганно и, возмущившись, добавила ее голосом: – Приезжай, мне нужна твоя помощь.

– Приезжай? Да ты в своем уме? Ты хоть что-нибудь соображаешь?

– Нет! – совсем обнаглела – вошла в роль – я. – Соображать будешь ты, за нас двоих, это в общих интересах.

– Ничего общего между нами уже нет, забыла? С тех пор как...

– Ну да, помню, помню. И все-таки постарайся приехать, – примирительным тоном – примиряя себя и ту, с диска, – попросила я. – Мне очень нужно тебя увидеть.

Гудки и не думали сбиваться с ритма, бесконечные, заунывные гудки. Я положила бесполезную трубку. Он не ответит, он не приедет. Придется справляться самой. Тем более что уже давно наступила ночь. Как странно! Диск я купила утром, а теперь глубокая ночь.

Ночь... Когда-то самое страшное время для меня – ночью боль становилась невыносимой, я была уже и не я, сознание ускользало, ускользало... Может, и сейчас происходит нечто похожее? Нет, ведь я выздоровела. И потом, диск-то купила утром.

Теперь я уже и в этом совсем не уверена. Такой диск купить невозможно. Он остался на диване, в комнате, я хоть сейчас могу проверить – но все равно не уверена. Не верю себе, не верю своему восприятию, не верю, что я – реальна, не верю, что мое прошлое, в котором до сегодняшнего дня совершенно не сомневалась, – мое, а не чье-то чужое.

Диск на диване – невозможный диск! Лай собаки заглушает... Как я устала! Ничего проверять сегодня не буду, это бессмысленно. Возможно, завтра реальность вернется ко мне.

Проснувшись утром, я не стала залеживаться в постели, прокручивая события вчерашнего дня. Бодро вскочила, раздернула шторы, включила радио и даже сделала пару энергичных упражнений, подсмотренных в каких-то советских фильмах семидесятых, приняла душ, растерлась полотенцем – здоровое утро здорового человека, не обремененного роковыми тайнами. Сварила кофе, чуть отступая от сценария (в тех фильмах пили преимущественно грузинский чай из непрезентабельных бумажных пачек), позавтракала. И только после этого решила вернуться к диску. Я очень надея-

лась, что мои здоровые действия оздоровят и реальность: на обложке будет запечатлена совершенно не похожая на меня актриса, а сам фильм – обычный голливудский триллер, не имеющий ко мне лично никакого отношения.

Ничего этого не произошло: все осталось таким, каким виделось вчера, но я не сдалась, не раскисла, не ударилась в панику. Что ж, будем исходить из того, что есть. Попробуем подкопаться под покосившуюся реальность с другой стороны. Такой фильм в магазине купить невозможно – значит, магазина не существует. И не важно, что я заходила в него регулярно, что знаю о его существовании давно. Вчера я усомнилась в своем прошлом – и испугалась, а сегодня в этом отчуждении прошлого не вижу ничего страшного. Просто не нужно принимать его на веру, а лучше всего вообще не учитывать. Ни о чем не думая, пойти к тому месту, на котором, как мне казалось вчера, был магазин, и убедиться, что там... ну, не знаю, паспортный стол или юридическая консультация.

Я быстро собралась, положила диск в пакет, а чек в кармашек сумки (его тоже решила взять, хоть и не верила в существование магазина) и вышла из дому, бодро и по-деловому – продолжая игру.

Бодро и по-деловому дошла до перекрестка, бодро и по-деловому спустилась в подземный переход, улыбнулась женщине, продающей цветы, пробежалась глазами по книжному лотку, на ходу купила пирожок у старушки – не для то-

го, чтобы съесть, а опять же продолжая взятую на себя роль: мне не страшно, я просто иду, придерживаясь четкой цели, обычный прохожий. Вот сейчас поднимусь по ступенькам и... Ну да, мне позарез нужно получить юридическую консультацию, вклеить в паспорт новую фотографию.

Магазин DVD не разрушился за ночь и не сменил ориентацию. Магазин DVD стоял на своем прежнем месте. Я это увидела сразу, как только вышла из перехода, но не стала заламывать рук, падать в обморок, а спокойно открыла дверь и скользнула внутрь. Продавщица тоже была вчерашней, на то, что чек окажется недействительным, рассчитывать уже не приходилось. Но и тут я сумела удержать себя в руках. Дождалась, когда расплатится единственный покупатель, и направилась к продавщице.

– Здравствуйте, – начала я, совершенно не представляя, что говорить дальше.

– Здравствуйте, – ответила она и как-то странно, мне показалось подобострастно, улыбнулась. Ожидает, что я буду предъявлять претензии? Что ж, это идея!

– Вчера я купила у вас диск...

– Да, да, конечно! – Продавщица прямо-таки засветилась улыбкой.

– Вы меня помните? – недоверчиво – а на самом деле испуганно – проговорила я.

– Ну еще бы! Еще бы не помнить!

На секунду мне стало жутковато, но потом я себя успоко-

ила: врет, наверное, ничего она помнить не может, вела я себя вполне адекватно.

– Еще бы не помнить! – повторила она и в каком-то уж совсем неуместном восторге прижала руки к груди. – Да я с нетерпением жду каждого вашего посещения!

Вот еще новости! Может, она не в себе?

– Так вот, вчера я купила у вас диск, – надменно проговорила я, не желая участвовать еще и в ее безумии, и протянула ей чек.

– С ним что-то не так? – испугалась она.

– Не так – это мягко сказано!

– Мы тут же заменим.

– Дело не в том.

– Он не идет? Давайте вместе посмотрим. – Девушка бросилась к плееру. – Вообще-то у нас очень качественный товар, никогда никаких претензий. Это же надо, чтобы именно вам попался брак... Давайте диск, посмотрим вместе, что с ним не так, и я мигом все улажу.

Посмотрим вместе. Только этого не хватало! Что она подумает, когда увидит это? Но готовность оценить ущерб, и суета, и озабоченность ее были такими естественными, что я даже на какой-то момент поверила: диск самый обыкновенный, а все вчерашнее – простое наваждение. И сунула руку в пакет, чтобы его достать и передать продавщице, но, к счастью, вовремя опомнилась.

– Нет, с диском все хорошо, – пошла я на попятный. –

Просто я подумала... – И остановилась, не зная, что сказать. – Да, а теперь передумала, – заключила я свою несуразную речь и улыбнулась фальшиво.

– Знаете, – девушка перегнулась через прилавок, наклоняясь ко мне, – давно хотела попросить у вас автограф, но все не решалась.

– Автограф? – переспросила я, думая, что ослышалась.

– Если вас не затруднит. Я вас ужасно люблю! – Девушка покрутила в пальцах мой чек. – Пожалуйста! Меня Аня зовут.

Я послушно расписалась на чеке, абсолютно сбитая с толку.

– Спасибо большое! – Кажется, она была действительно счастлива. – Лучше бы, конечно, на диске с каким-нибудь из ваших фильмов, но и так хорошо, просто здорово! Я ваша давняя поклонница.

– Поклонница?

– Ну да! Когда я вас первый раз увидела у нас, в магазине, чуть с ума не сошла. Сначала подумала: может, это не вы, просто очень похожая женщина, но потом поняла: точно вы! И знаете что? В жизни вы еще красивее, чем на экране. Я все-все фильмы с вашим участием смотрела, все-все! Вы моя самая любимая актриса.

Я быстро попрощалась и вышла из магазина. Наверное, моя «поклонница» обиделась, но мне было все равно. Асфальт под ногами раскачивался, я боялась упасть и потому

сосредоточилась на ходьбе, на одной только ходьбе: удержать равновесие, а большего и не надо. Удержать равновесие, не упасть, благополучно добраться до дому, а там будет видно. Дома есть способ все прояснить, очень надежный способ. Я ведь точно знаю, что не актриса, что никогда не снималась в кино, просто есть еще одна очень похожая женщина, просто... ну да, просто нужно благополучно добраться до дому и постараться удержаться на ногах.

Так я шла, и дошла бы, наверное, но возникли ступеньки, ведущие неизвестно куда. Подняла голову, чтобы узнать, – и врезалась взглядом в разверстную черную пасть перехода. Я туда никогда ни за что!..

Реальность – как мокрый лед в марте. Ускользает из-под ног. Я скольжу. Я скользила. Поскользнулась – и провалилась в бездонную черную яму.

...Разбитый стакан, под ногами мокро от талого снега – ах нет, я все перепутала! И лица склоненные – не те лица. Старушка-цветочница ласково шепчет: ничего страшного, вот она уже приходит в себя. Нет, не цветочница, торгует пирожками – куда же я дела свой пирожок? Не помню.

– Я помогу вам подняться. Опирайтесь на мою руку.

А это уже точно цветочница. А вот и продавец книг. Меня поднимают, ставят на ноги. Случайные люди. Пытаюсь идти, пытаюсь всем улыбнуться.

– Ух ты! Знаете, кто это? Да это же Ксения Зимина!

– Кто?

– Темнота! Она известная актриса!

Я иду улыбаясь. Улыбаясь, пытаюсь идти, но меня догоняют, удерживают:

– Простите, вы не могли бы дать мне автограф?

И опять, как вчера, я первым делом задернула шторы на окнах, хотя в этом не было никакой необходимости. Задернула шторы и включила компьютер. Голова все еще обморочно кружилась, лучше бы было хоть ненадолго прилечь. Но мною овладело такое нетерпение, что я едва дождалась, когда загрузится компьютер. Руки тряслись от волнения, а мой нудный антивирус все выставлял самодовольные надписи, и, казалось, конца его хвостовству не предвидится. Но вот Интернет подключился.

«Ксения Зимина. Актриса», – набрала я, и содрогнулась, и воззвала к покровителю потерянных душ, и обратилась к Богу: Боже мой, сделай так, чтобы этого файла не существовало, и рассмеялась над собой: ну разве можно с Богом говорить о файле?

Файл существовал. Мало того, у Ксении Зиминой, актрисы, имелся персональный сайт. Добро пожаловать в страну Безумия!

Рыжая ведьма расхохоталась мне в лицо, как только я вошла на этот проклятый сайт, рыжая ведьма с моими чертами. Да ведь это же ты, милочка, ты! – кричала эта наглая тварь, покатываясь от смеха. А справа были кадры из филь-

мов, где мы с ней сыграли свои главные роли, а под кадрами названия этих самых фильмов: «Встреча», «Чужая жизнь», «Оборотень» – всего десять. И конечно же «Эпилог». Кадр там был тот же, что и на обложке диска.

В рубрике «О Ксении» я прочитала свою биографию. Это и в самом деле была моя биография, все вехи совпадали... до двадцатилетнего возраста. Правда, ничего не было сказано о моей болезни, а ведь именно она определяла всю мою жизнь. Но вот с двадцати... Тут-то и начинался полный разлад. Сначала я ему глупо обрадовалась: это не я, со мной такого не происходило, со мной такого в принципе произойти не могло. «После окончания школы, – было написано в статье, – Ксения поступила в университет иностранных языков, блистательно училась, а потом вдруг ушла с четвертого курса, чем привела в полное недоумение и своих родителей, и преподавателей. Ксения Зимина почувствовала, что ее призвание – кинематограф...» Ах нет, не бросала я университет, а кино увлеклась меньше года назад, да и то лишь в качестве зрителя! Я не актриса, я никогда не снималась в кино!..

На сайте было полно фотографий: эта рыжая в моем облике в самых разнообразных ракурсах и в самой невозможной для меня обстановке. Вот она сидит на скамейке возле абсолютно неизвестного мне дома с банкой пива и сигаретой. Вот она, рыжая Ксения, в баре с бокалом вина и опять с сигаретой. Вот эта рыжая потаскуха прилюдно обнимается с каким-то мужчиной – лица его не видно, он к камере спи-

ной. Хотя... Да ведь это же тот, которого она убила! А вот и собака. Черно-пегий спаниель. А вернее, спаниелиха. Нора. «Ксения со своей любимицей Норой», – сообщает надпись под фотографией.

У меня не было собаки! У меня никогда не было собаки! И уж Норой я бы точно собаку не назвала. Абсолютно неподходящее имя. И этого мужчину, с которым она сначала обнималась, а потом убила, не знаю. И спиртного я в рот не брала, а табачный дым вызывает отвращение и тошноту. И так я никогда не одевалась и не бывала во всех этих местах, и цвет волос... и позы...

Я бросилась к зеркалу. Нет, я точно не рыжая. А фигура, кстати, у меня лучше, тот топ мне пошел бы больше, чем ей, и бирюзовое платье, в котором она восседала в баре с бокалом, тоже.

Цвет волос не проблема. Волосы всегда можно покрасить и стрижку любую сделать. Никогда не красилась... Но почему бы не попробовать?

Я опустила на пуф, не отрывая взгляда от зеркала, привычным уже движением закинула ногу на ногу, чуть развернулась боком, чуть растопырила пальцы правой руки, удерживая воображаемую сигарету, в левой у меня был бокал... Прищурилась, приподняла подбородок. А ведь я действительно в жизни красивее, чем на экране, права продавщица...

Продавщица, продавшая... Нет! Это не я. Не я на диске,

не я на фотографиях, не я в кадрах фильмов. Я не убивала, и я не актриса, что бы ни утверждал Интернет, кто бы в чем меня ни пытался убедить. Посмотреть эту семиминутную короткометражку и доказать. Еще раз внимательно пересмотреть – и сделать окончательный вывод, что так не бывает.

И опять я не заметила, как наступила ночь. И опять предприняла бессмысленную попытку дозвониться мужу. Был свежезаваренный чай, какой я терпеть не могу, а день мой закончился так же, как вчерашний: в полном изнеможении я ускользнула от призрачной реальности в сон, надеясь, что новое утро хоть что-то изменит.

Я проснулась от смеха, от собственного смеха, и рассмеялась уже наяву: все очень просто, решение подсказал сон. В этом сне я принимала зачет у студентов – была никакой не актрисой, а самым обычным преподавателем. А рассмеялась потому, что один из них, Иван Скуратов – его прототип абсолютно реален, прекрасно помню этого олуха! – рассказал анекдот. При свете дня анекдот оказался совсем не смешным и каким-то туповатым, как и сам Иван, но суть не в этом. Я поняла, что нужно делать, где отыскать доказательства моей непричастности к преступной деятельности актрисы. Элементарно: найти диплом об окончании университета!

Вскочила с постели, раздернула шторы – все как вчера, только бодрость и энергия били через край даже не по-вчерашнему. Диплом с прочими документами у меня аккурат-

но хранится в секретере в коробке из-под конфет. Мысленно перекрестившись, открыла дверцу. Коробка была на месте. Уже почти совсем не волнуясь, откинула крышку.

Паспорт. Ну да, это я, Зимина Ксения Александровна, двадцати восьми лет, обычная скромная женщина, цвет волос, правда, не виден – фотография черно-белая. Страховое свидетельство – тоже мое... Следующий документ поверг меня в ужас. Это была сберкнижка со счетом в десять с половиной миллионов рублей. У меня никогда не было и не могло быть таких денег! По определению не могло! И сберкнижки никогда не было, только карточка.

Потрясенная, я подошла к окну, чтобы лучше рассмотреть. Это какая-то ошибка! Но имя мое...

И... Нет, все правильно: десять с половиной миллионов.

Я так разволновалась, что даже о дипломе на какое-то время забыла, да и вообще обо всем. Стояла со сберкнижкой в руке и все пыталась представить, сколько это – десять с половиной миллионов, что можно купить на десять с половиной миллионов? Представлялось смутно, фантазия просто отказывалась работать. Попыталась перевести сумму в доллары, затем в евро – но и это не помогло: я понятия не имею, как тратить такие деньги и что вообще они означают. Не привыкла, не знаю. Потому что их у меня ведь никогда не было и быть не могло...

У меня не могло, а у Ксении Зиминной, актрисы, наверняка могло. Я отбросила сберкнижку, как какую-то опасную

ядовитую гадину, и ринулась к секретеру. Мне нужно найти диплом; если я его не найду...

Диплома в коробке не оказалось. И нигде не оказалось. И не было ни одного учебника, ни одного пособия, ни одной малюсенькой брошюрки по моей специальности, не было даже ни одного словаря. Я выгрузила из шкафа все книги, но, кроме художественной литературы, не нашла ничего.

Впрочем, никаких театрально-киношных книг и журналов тоже не обнаружила. Это почему-то меня окончательно доконало, хотя должно было бы обрадовать. Совершенно без сил я опустилась на пол посреди разоренной библиотеки. Что делать дальше, не представляла.

Но ведь я точно знаю, что не сошла с ума, и точно знаю, что не актриса. Я не убивала этого человека, я с ним незнакома.

Значит, нужно продолжать искать доказательства. Перерыть весь дом, но найти хоть что-нибудь. Если предположить, что кто-то проник ко мне в квартиру, украл диплом и все книги по специальности... Бред какой-то! Зачем кому-то ко мне проникать? Красть пособие по введению в английскую филологию, а взамен подбрасывать сберкнижку с десятью с половиной миллионами? Но все равно, если такое предположить, то он, этот кто-то, не смог бы уничтожить все следы моей личности (той или, на худой конец, иной). Он не мог предусмотреть всего. Какой-нибудь полупустой тубик с засохшим гримом, случайно попавший на антресоль, или

карточку с французскими местоимениями, залетевшую под ковер в спальне, он попросту пропустил бы.

Мой дом напоминает разгромленную крепость. Некий таинственный враг неизвестным науке способом проник в нее и взял штурмом. Потому что прежде чем приступить к поискам доказательств, я плотно зашторила окна, закрылась на все замки – хорошо укрепилась. Но враг все равно проник. Враг этот – мое безумие. Шкафы отодвинуты от стен, с кровати сброшена постель, диван и кресла представляют собой вообще уж жалкое зрелище: обивка местами распорота, местами грубо изрезана. Я сижу на куче тряпья, выброшенного из шифоньера, и отчаянно пытаюсь понять, кто же я такая. Никаких доказательств не нашлось. Совсем никаких. Ни тех ни других. Альбом с фотографиями мой таинственный похититель тоже унес с собой. Мне было бы легче, если бы я оказалась актрисой, если бы это было доказано.

Не доказано ничего.

Реальность не скользкая ледяная дорожка, реальность – зыбучий песок. Мой темно-серый строгий костюм, в котором я ходила в университет на работу, обнимает рукавами бирюзовое платье – то, с фотографии в баре, с моего персонального сайта. Лиловый топ зацепился бретелькой за пуговицу «больничного» халата. Белые шорты – я никогда не носила шорт, даже в детстве! – делят ложе с черными джинсами – в этих джинсах я была, когда покупала диск с «Эпило-

гом». Квартира разгромлена, у меня нет сил хоть что-то поправить. Я сижу на куче тряпья... Мне не найти ответа!

Позавчера я купила диск. А до этого все было так просто и ясно. Наступили каникулы, открылась бездна свободного времени, об этом времени я так давно мечтала! Где же прошла трещина, почему я ее не заметила? Не сразу же реальность раскололась и не сама по себе. Я помню, как проснулась утром, наполненная энергией и бодростью, раздернула шторы, сварила кофе... Но и вчера я ведь была точно такой же... и сегодня. Эти три утра ничем не отличаются друг от друга – абсолютно ничем. Не в этом ли дело? Может быть, все продолжается то, первое, утро? А разгром в квартире объясняется просто: кто-то, некий неведомый враг, влез и устроил бардак. Он искал ценные вещи, но не нашел – откуда же здесь взяться ценным вещам, доходы мои невелики? – и, разозлившись, устроил погром.

Я прилегла на куче тряпья, закрыла глаза. Все очень просто, хоть и доставит немало хлопот: убирайся теперь после этого незадачливого грабителя! Но ведь можно попросить о помощи. Позвонить Вике, ну и пусть она на меня за что-то обиделась, или мужу, ну и пусть мы в разводе. Позвонить, попросить... Я перевернулась на бок, не открывая глаз, нащупала на полу мобильник.

– Привет! Это я. Не узнал?

– Конечно узнал! Как поживаешь?

– Прекрасно! А ты?

– Ничего, поживаю!

– Это хорошо, это самое главное. А я, собственно, чего звоню. Кто-то пробрался ко мне в квартиру и учинил страшный разгром. Мне нужна твоя помощь, ты не мог бы приехать?

– Без проблем! Жди, скоро буду.

Я открыла глаза. Воображаемый телефон выпал из разочарованной руки. Никуда я не звонила, струсила. Может быть, наберусь смелости к ночи и тогда позвоню?

Надо бы встать и хоть немного прибраться – генеральная уборка сейчас мне не по силам. Повесить в шкаф одежду и расставить книги.

Поднялась, потянулась, как после сна, нарочито зевнула. Отцепила от пуговицы халата и подняла за бретельки топ. Покачала на пальце – не мой это топ, а впрочем... Скомкала и прижала к лицу, вдохнула, надеясь уловить запах, надеясь пробудить воспоминания. Не пахнет ничем, ни мной, ни другой, чужой женщиной, лишь порошком, как любая недавно выстиранная вещь. А что, если примерить? Прихватив и шорты, я подошла к зеркалу.

Новый наряд сидел на мне идеально – за это время я немного похудела, выглядела даже лучше, чем на фотографии. Придвинула стул, удобно устроилась, привычно закинув ногу на ногу, представила, что сижу на скамейке во дворе, с банкой пива и сигаретой. Вдыхаю дым и, немного подержав его во рту, выдыхаю, делаю глоток из банки – похоже

на газированный квас, в общем, совсем не противно. Хорошо бы попробовать настоящего пива.

В топе и шортах я вышла на улицу и не почувствовала себя неуютно. Смущало только, что туфли плохо сочетаются с новым нарядом, здесь бы подошли какие-нибудь легкие босоножки на низкой подошве. Вошла в мини-маркет, в котором всегда покупаю продукты, и напрямик направилась к холодильнику с пивом – оказалось, что я прекрасно знаю, где он находится, а ведь раньше не обращала на него внимания, спроси меня: ты знаешь, где в твоём маркете такой холодильник? – ни за что не сказала бы. Но это ничего не значит – запомнила бессознательно, только и всего. Взяла банку «Хольстена», подумала и прибавила к нему еще и «Баварию», рассудив, что в Баварии должны варить хорошее пиво.

Сигареты и зажигалку купила прямо у кассы – откуда-то я тоже знала, что все это продается именно там, – заплатила за пиво и вышла на улицу.

Первоначально я планировала сразу же вернуться домой, но теперь поняла, что эксперимент доводить нужно до конца. Одно дело – в своей квартире выпить немного пива и раскурить сигарету, совсем другой вопрос – прямо здесь, на улице, на глазах у прохожих. Для меня это абсолютно невозможно, для той, для актрисы, – вполне естественно.

Недалеко от магазина был небольшой сквер. Туда-то я и направилась, нашла пустую скамейку, открыла банку «Баварии» – как легко, без всяких затруднений у меня это полу-

чилось! – достала из пачки сигарету, чиркнула зажигалкой, прикурила. Осторожно вдохнула дым, прислушиваясь к своим ощущениям, – ничего особенного, и совсем не тошнит. Глотнула из банки – вкус вполне приятен.

Сигарету я докурила почти целиком, а пива выпила почти полбанки. Голова слегка закружилась, и я поняла, что это состояние мне не только знакомо, но и нравится. Я пила и курила. То есть я пью и курю. И не смущает нисколько, что пью и курю я на улице. И прохожих тоже не смущает – они попросту не обращают на меня никакого внимания: идут себе – проходят мимо, на то они и прохожие.

Так, не смущаясь, допила все пиво до конца и закурила новую сигарету. Меня не пугало, совсем не пугало то, что вот так сидеть, пить и курить на улице могла только Ксения-актриса, а я не могла, – меня сейчас ничего не пугало, а только веселило.

Один из прохожих все-таки обратил на меня внимание – молодой парень, лет двадцати пяти, остановился возле моей скамейки:

– Закурить не найдется?

Я протянула ему пачку. Он прикурил, опустил рядом. Узнает? Попросит автограф? Улыбнулась ему, снисходительно-благосклонно, как, очевидно, и должна улыбаться знаменитость своим поклонникам. Но, кажется, парень понял меня не так.

– Скучаешь, подруга? – спросил он каким-то развязным

тоном и положил руку на мое голое колено. Я брезгливо тряхнула ногой. Он рассмеялся, но руку не убрал. – Как тебя зовут?

– Ксения Зимина, – сказала я, ожидая, что он воскликнет: та самая?! Не воскликнул. По-моему, на него вообще никакого впечатления мое имя не произвело. Тогда я сама добавила: – Актриса кино.

– Актриса! – Он опять засмеялся. – И где же ты, актриса, снималась?

Я назвала все фильмы, перечисленные на сайте.

– Не, я такую лабуду не смотрю. А ты правда актриса?

– Правда, – подтвердила я обиженно: получалось, не такая уж я и знаменитость. – А с чего ты взял, что эти фильмы – плохие, раз не смотрел?

– Ну... – парень замаялся, – я не сказал, что плохие. Да ты не обижайся, просто это не мой жанр, мне нравится фэнтези.

– Фэнтези! – передразнила я и задумалась: а какого жанра мои фильмы? Надо сегодня же выяснить. Вот приду домой, сразу этим и займусь. Наберу в Интернете. «Эпилог», например, можно отнести скорее к триллеру...

Я вдруг словно очнулась. Откровенный наряд стал меня ужасно смущать, мое поведение показалось верхом безрассудства. Что подумал обо мне этот парень, за кого принял?

– Извините, мне нужно идти. – Я поспешно поднялась со скамейки, схватила пакет, крепко прижала его к себе, будто там была не обыкновенная банка пива, а некая постыдная

улика, и ринулась из скверика прочь.

Дома я поскорее переоделась в свою обычную одежду и немедленно приступила к уборке.

Привычная домашняя работа меня успокоила, хоть и изрядно утомила. Голова прояснилась, и, когда загружался компьютер, я не чувствовала ни нетерпения, ни капельки страха, никакой неуверенности в себе, просто хотела получить информацию – собрать ее как можно больше. Вошла на «свой» сайт. Думала разузнать все о фильмах, в которых якобы снималась, но отвлеклась на фотографию, на ту самую, которую сегодня пыталась приладить к себе. Топик, шорты, сигарета, банка пива... Кстати, пьет она не «Баварию» и не «Хольстен», судя по цвету и оформлению банки. А что? Навела курсор на фотографию, щелкнула мышкой, чтобы увеличить, – и тут произошло нечто такое, отчего и страх, и неуверенность в своем рассудке вернулись: экран на секунду померк, потом сделался ярко-красным, и на этом багровом, окровавленном фоне появилась надпись: «Введите пароль». На секунду задумавшись, я впечатала имя мужа. Конечно, ничего не выйдет – пароль неверен... Пароль оказался верным, красное с экрана ушло, вернулась фотография – и вдруг она ожила, зашевелилась, заговорила... Моим голосом заговорила.

– Привет, Ксюха! – Рыжая помахала мне с экрана, рыжая мне улыбнулась. – Странно обращаться к самой себе, странно вообще с самой собой разговаривать, но делать нечего.

Будем считать, что это зарубки на память. Потому что бывают моменты, когда действительность ускользает, и трудно вспомнить, кто ты есть на самом деле, какая ты. Сейчас-то все ясно: я – это я, но откуда мне знать, что я буду думать об этом завтра. Мне говорили, что последняя моя роль была просто блистательной, и о предыдущей что-то подобное говорили. Но ведь сыграть блистательно – это значит полностью отречься от себя. Не только на экране, но и в жизни. Я чувствую, что превращаюсь в кого-то другого, в абсолютно не похожее на себя существо – в чужую женщину. Неизвестно ведь, как далеко пойдет процесс. Возможно, я в ней растворюсь без остатка, возможно, забуду, что я – это я.

Я сидела не шевелясь, впившись взглядом в экран. В голове зароились какие-то обрывочные картинки. Мне казалось, что я действительно что-то припоминаю. Рыжая сделала большой глоток из банки, глубоко затянулась и выпустила дым.

– И вот пока я в твердой памяти и незамутненном рассудке, хочу предупредить себя, будущую: верь мне, а не ей, ты – это я, не она. Наверное, она в конце концов так завладеет мною, что начисто сотрет мое прошлое, а взамен предложит свое. Она коварна, она хитра. Представит доводы в свою пользу, меня очернит. Не верь, ничему не верь!

Рыжая Ксения снова сделала глубокую затяжку, грустно мне улыбнулась, качнула ногой.

– Одно доказательство у меня уж точно есть: пароль вве-

ден правильно.

Изображение замерло, снова превращаясь в фотографию. Грубо нажав на кнопку, я выключила компьютер и бросилась прочь из этой комнаты, от этого кошмара.

Прошло много времени – во всяком случае, успело совершенно стемнеть, – когда я осознала, что лежу на кровати в спальне. Привычным движением провела ладонью по правому боку и рассмеялась: мне стало легко-легко.

– Да, рыжая стерва, – сказала я громко и отчетливо, будто она находилась в этой самой комнате, – пароль – аргумент в твою пользу весомый, но и у меня есть доказательство: шрам от операции.

Глава 2

Расследование Андрея Никитина

Сомнений больше не оставалось: с Балаклавом что-то случилось. Вот уже неделю он не подавал никаких признаков жизни: не звонил, не отвечал на настойчивые звонки, не открывал дверь своей квартиры. Никто его не видел и ничего о нем не знал. Последний раз удалось выйти с Вениамином на связь в прошлый вторник, 4 июня. На работу он не явился, Андрей рвал и метал, но вот часа в три Балаклав наконец соизволил откликнуться.

– Извини, Андрюха, – проговорил он каким-то задушенным голосом, – я сейчас не могу разговаривать, созвонимся позже.

И отключился. Больше о нем не было ни слуху ни духу.

Сначала Андрей подумал, что у него очередная душевная драма – время от времени с Венькой такое случалось. С женщинами ему почему-то катастрофически не везло.

– Меня девушки не любят, – плаксиво, тоном Паниковского, жаловался он Никитину за бутылкой водки, когда проходила первая волна горя.

И Никитин неизменно отвечал незамысловатой грубоватой шуткой:

– Зато баня у тебя через дорогу, да и ванная имеется.

Они распивали бутылку – если драма оказывалась не очень тяжелой, или две – если Венькино сердце было разбито всерьез, и на этом обычно все заканчивалось. Вениамин переживал свои поражения бурно, но и отходил довольно быстро. Чтобы окончательно избавиться от любовного бремени, уходил с головой в работу – результатом всегда являлась какая-нибудь новая, особо заковыристая программа. Донжуаном Венька был никаким, зато программистом классным. В общем, компьютерные технологии от любовной неудачливости Балаклава только выигрывали.

Правда, прошлым летом Вениамина скрутило по-настоящему. Он даже в отпуск отпросился, на целый месяц. И на водку Андрея не пригласил. Переживал беду в одиночестве, не жаловался, не плакался, ничего не рассказывал. И потом еще долго ходил какой-то пришибленный. Но и тогда не пропал же без всякого предупреждения!

Первые два дня Никитин, хоть и настойчиво пытался дозвониться до Веньки, не особенно беспокоился: перебесится и объявится. В пятницу был уверен, что Вениамин позвонит сам и пригласит его в свою берлогу – в холостяцкой квартире Балаклава был немыслимый беспорядок – или появится у его двери с бутылкой водки. К субботе заволновался всерьез. А в понедельник к поискам пропавшего компьютерщика подключил своего милицейского друга майора Илью Бородину. Ни в больницах, ни, к счастью, в моргах Балаклав обнаружен не был, не задерживался милицейскими патрулями

за разнузданное, пьяное поведение в общественных местах. Словом, пропал бесследно. Во вторник, когда стало ясно, что случилось нечто по-настоящему страшное, Никитин не выдержал и решился проникнуть в Венькину квартиру при помощи... ну да, обычной воровской отмычки. Пользоваться этим бесчестным инструментом Андрею было не привыкать – не в воровских, конечно, целях, – но он еще никогда не вторгался таким способом на личную территорию своих друзей. Ему было очень неудобно перед Венькой, но как иначе он мог хоть что-то узнать?

Имелось и еще одно обстоятельство, по которому проникнуть в квартиру Балаклава было просто необходимо. В четверг на электронный адрес агентства «Инкогнито» пришло письмо.

Собственно, интересно было не само письмо, весьма немногословное: «Подробности при встрече», а ссылка на фильм-ролик и указание пароля: FLEUR. Это была любительская съемка, запечатлевшая самое настоящее преступление.

Мужчина и женщина – судя по всему, муж и жена – приехали на пикник, чтобы отпраздновать день рождения. Сначала все шло своим обычным праздничным чередом, а потом вдруг женщина застрелила мужчину. Поднялась с бокалом вина в руке, очевидно чтобы произнести тост – слов ее слышать не было никакой возможности, потому что неисто-

во лаяла собака, – и выстрелила. Пистолет она выхватила из кармана пиджака – странно, неужели муж не заметил, что у нее в кармане? Собака, русский спаниель, в истерике носится по поляне и заглушает слова. О чем она ему говорила? За что убила? Почему выбрала для убийства такое неподходящее время и обстановку? И почему он ничего не заподозрил, почему запросто согласился стать жертвой, почему не заметил пистолета у нее в кармане? Стильный костюм, приталенный, довольно короткий пиджак с небольшими карманами – очень похожий есть у Насти. Пистолет не мог быть незаметен, пистолет должен был выпирать. Странно...

Впрочем, во всей обстановке пикника одни сплошные странности. Стол накрыт белой праздничной скатертью, совершенно неподходящие закуски, пепельница. Фирменная пепельница бара «Арина», узнал Андрей, они там несколько раз бывали с Бородиным. Странно, все до невозможности странно. И если у этого преступления имелся свидетель (который, очевидно, все и заснял), почему он не заявил в милицию, зачем обратился к нему?

«Подробности при встрече». Ни подписи, ничего. Никаких подробностей Андрей, кстати, так и не узнал, потому что и встречу никто не назначил и сам в офис не явился. Кто он – его новый заказчик? Просто свидетель-аноним, случайно заснявший преступление и теперь опасющийся мести со стороны убийцы? На анонима не очень похоже: письмо послано с конкретного адреса. Андрей даже хотел сам туда написать,

но потом передумал – решил перестраховаться: мало ли что?

В общем, странностей было хоть отбавляй, но Никитин всей этой ситуацией проникся лишь отчасти – мысли его занимал Вениамин. А сегодня ночью он вдруг подумал: а не связано ли его исчезновение с этим странным письмом? С одной стороны, конечно, мысль совершенно абсурдная: как Балаклав может быть со всем этим связан? Но с другой...

В общем, с самого утра, не заезжая в офис и никого не предупредив, Никитин отправился на взлом квартиры Вениамина.

Но сначала он все-таки позвонил в дверь – не потому, что на что-то надеялся, а просто из деликатности: ну не мог он вот так сразу, вот так беспардонно вторгнуться на Венькину территорию. Конечно, никто не отозвался. Тогда он толкнул дверь, опасаясь самого худшего, – дверь, к счастью, не поддавалась. Пора было приступить к взлому, но Андрей еще немного помедлил. Перед глазами вдруг очень отчетливо возникла картина:

Венька, растрепанный, в замызганных семейных трусах, сердитый, оттого что его внеурочно разбудили, сидит на табуретке в позе какого-то восточного божка, ворчит и не желает окончательно проснуться. Это было тысячу лет назад, еще до «Инкогнито», еще до того, как Балаклав приобрел официальный статус – в те далекие времена он выполнял различные заказы на дому и вел преимущественно ночной образ жизни. Андрей уважал его распорядок и обычно ни-

когда не приходил раньше двух, но тут дело оказалось срочным, и он заявился с самого утра. Сейчас он вспомнить не мог, в чем именно заключалось дело, но картинка с сонным, сердитым Венькой проступила так отчетливо, и так жалко стало его, этого несчастного, лохматого обормота, что невыносимо заныло в груди – то ли в сердце, то ли в душе. Он достал свое хитрое приспособление для взлома, извинился перед другом и приступил к работе. Хилый, самый простой, какой, наверное, существует в природе, Венькин замок поддался сразу, и от этого Андрею стало почему-то еще больней. Этот чудик вечно покупал себе придурковатые игрушки: то кружку с особым ковриком с подогревом, чтобы не остывал кофе (как будто кофе обязательно пить за компьютером), то какую-то светящуюся елочку, соединенную с процессором (для чего она нужна, Андрей так и не понял), а надежным замком обзавестись не озаботился. Такой замок не то что любой злоумышленник влегкую мог открыть, любой пацан, любой шпаненок без всяких затруднений свободно проник бы. И возможно, проник... Венька сидел за компьютером и ничего не слышал. Удар настиг его на боевом посту. Голова опрокинулась на стол, монитор залило кровью.

Андрей встряхнулся, отгоняя новую, вымышленную, но тоже абсолютно отчетливую картинку. Толкнул дверь, вошел в прихожую. Вдохнул воздух, пробуя его на вкус, – нет, того, страшного, запаха нет. Обошел маленькую балаклавскую квартирку: кругом ужасный беспорядок, но беспорядок

обычный, Венькин. И главное... ну да, картинка его оказалась ложной.

Напряжение спало. Страх и внезапно накатившее на него умиление этим обалдуюем сменились раздражением. Он пнул подвернувшийся под ноги балаклавский ботинок и со всего размаху плюхнулся в компьютерное кресло – этакий современный трон с черт знает какими наворотами (лучше бы замок нормальный поставил!). Да с чего он вообще так разнервничался? Ну что может приключиться с этим оболтусом? Кому он сдался, каким таким страшным дядям? Ушел в загул по причине очередной в сердце раны из-за какой-нибудь дуры, а они тут с ума сходят, милицию подключили. Вот вернется – он его уволит без всякого сожаления. Избавится раз и навсегда, возьмет себе нового, нормального компьютерщика.

В ярости Андрей стукнул кулаком по столу – и тут произошло нечто такое, отчего он прямо-таки похолодел: монитор щелкнул и загорелся. Венькин компьютер спал и от сотрясения по столу проснулся. Ну да, он же слышал звук – легкое дыхание работающего вентилятора, – но не придал от волнения ему никакого значения. Это уже было пострашней всего. Балаклав не мог уйти из дому, не выключив компьютер. Забыть поесть – запросто, забыть вовремя явиться на работу – никаких проблем, забыть самого себя в своей берлоге – да сколько угодно! Но оставить компьютер включенным он просто физически не мог. Неотключенным оказался и Интернет – что уже выходило за рамки здравого смыс-

ла, понимаемого по-балаклавски. Компьютер уснул на The Bet – при каких таких ужасных обстоятельствах Вениамин допустил бы такое кощунство, как открытая почта? Словно дверь, оставленная нараспашку в святая святых... Внизу плыла надпись о непрочитанном письме. Андрею представилось, что письмо это посмертное. Он не смог заставить себя его открыть.

Да, посмертное, и надеяться не на что. Веньки, конечно, нет уже в живых. Ни при каких других обстоятельствах он не оставил бы компьютер... и Интернет... и почту. Все произошло здесь. И нужно встать и тщательно обследовать квартиру. Венька не сдался бы без сопротивления, и, даже если все потом хорошо замыли, не может не остаться следов. Нужно подняться и обследовать...

Но подняться было невозможно, и искать следы невозможно, и невозможно поверить... Вечно взъерошенный, вечно небритый, такой беззащитный. С дурацкими шутками, с паскудным характером. Как часто Венька доводил своего начальника до кондрашки, временами тот просто готов был компьютерщика пристукнуть! Ну как, как искать следы его смерти? Невозможно...

Андрей рывком выдернул себя из кресла, опустился на корточки – очки затуманились, он сорвал их, яростно – чуть стекла не треснули – протер и снова надел. Осмотрел квадрат пола возле стола, пожалел и обрадовался, что не взял хотя бы лупы, передвинулся дальше. Квадрат за квадратом

тщательно обследовал всю комнату. Подозрительное пятно обнаружилось на подоконнике, но понять, кровь ли это, было очень сложно: когда-то покрашенный белой краской, подоконник давно приобрел серо-желтый цвет с буроватым оттенком. Андрей пощупал палец и потер пятно – вокруг размазалась грязь, а с пятном не произошло никаких изменений. Если это и кровь, то очень старая, ну да, к этой ситуации она не имеет отношения.

Ни в коридоре, ни на кухне, ни в ванной тоже не выявилось ничего страшного. К счастливым выводам приходиться было рано – в конце концов, Вениамина могли убить и вполне бескровным способом, – но все же Андрей несколько приободрился. Во всяком случае настолько, что смог вернуться к компьютеру и открыть письмо.

И тут он понял, что успокоился рано. Коротенький текст замелькал перед глазами, как предобморочные мушки: «Подробности при встрече». И ссылка, и тот же пароль. Никакой подписи. Число, время – все совпадало. Это была копия того самого письма с заснятым убийством, присланного в четверг на адрес агентства.

Значит, все-таки Венька со всем этим связан. Но как? Какое отношение он может иметь к этим событиям? Проводил собственное расследование втайне от всех? Зачем? Какой-нибудь его знакомый обратился к нему и попросил никому не рассказывать? Вполне вероятно, но почему тогда копию он послал в агентство? И... Да ерунда это все! Письмо

пришло в четверг, а Венька пропал по крайней мере в среду – в последний раз откликнулся на звонок во вторник. Но как-то он все-таки связан, иначе письмо бы ему не прислали.

Без сомнения, связан. Либо с ситуацией, запечатленной на съемке, либо с этими людьми. С кем: с мужчиной? с женщиной? Почему он ничего не рассказывал? И это Венька, который больше двух дней не мог удержать никакого секрета (конечно, если это не касалось работы), Венька, обожающий изливать свою душу? Андрей знал всех его женщин – и лично, и по рассказам...

Стоп! А прошлогодняя Венькина драма? О ней-то он так и не рассказал, а переживал очень сильно и необычно для себя долго. Что тогда произошло? Не эта ли женщина-убийца виновница его страданий? Уж не с ней ли в прошлом году был у Вениамина роман? На съемке время года – лето. Андрей сначала почему-то был уверен, что снято это сейчас, то есть убийство «свежее». Но вполне может быть и прошлогоднее. Что же тогда получается? Предположить нетрудно. Вениамин и эта женщина вместе подготовили убийство – убийство ее мужа. Встретились и полюбили друг друга, первый раз в жизни Веньке повезло в любви. Но мешал муж. Возможно, он не дал бы развод, возможно, был настолько ревнив, что и сам бы убил, узнав о сопернике, – и его, и ее, возможно, он был богат, а они не захотели терять своей выгоды... Нет, нет, нет! Что угодно, только не это! Веньку трудно представить в роли убийцы или соучастника убийства, но в

роли вот такой меркантильной сволочи представить просто невозможно. Но в любом случае муж стал препятствием, и требовалось его устранить. И они устранили, чтобы счастливо соединиться. Почему же тогда не соединились? В чем-то просчитались и ее посадили? Или выжидают время, как раз чтобы не просчитаться, чтобы не вызвать скоропалительной женитьбой подозрений?

Все это так не подходит Веньке, так не сочетается с его образом.

Ну хорошо, допустим, все так и было. Но ведь это произошло почти год назад. Почему же всплыло только сейчас? Кто он, свидетель преступления? Случайный прохожий – грибник, лесник, турист? Или человек не случайный – друг, заподозривший нечто неладное? Но все равно, зачем он ждал целый год? Шантажист, которому перестали платить дань? Вполне возможно. Но исчезновение Вениамина это не объясняет. Шантажист, даже очень раздосадованный, не стал бы ни убивать, ни похищать.

А может, Балаклав попросту сбежал? Испугался разоблачения и дал деру?

Эта последняя мысль почему-то испугала Андрея не меньше, чем возможность Венькиной смерти. Он попытался ее отогнать, но она крепко засела в голове и потребовала действий. Андрей вздохнул и понуро поплелся к шкафу, где Балаклав хранил документы.

Все было на месте, кроме водительского удостоверения:

и паспорт, и страховое свидетельство, и даже медицинский полис (кто бы мог подумать, что он у этого оболтуса имелся?). Никуда он не сбегал! Андрей вскинул руку и издал радостный вопль и тут же себя одернул: чего он, дурак, веселится? Да, не сбежал, но ведь ничто не указывает на то, что его друг жив-невредим. И где искать его, совершенно неизвестно. Даже с чего начать, непонятно...

Нет, это-то как раз понятно. Только не с чего, а с кого – с этой женщины. Узнать, кто она такая, пробить... Однако без компьютерной помощи Веньки искать этого самого Веньку очень трудно. Но есть и другой путь – Бородин. Установить личность женщины можно и посредством милиции. Во все посвящать Илью пока не стоит, но фотографию послать можно.

Немного приободрившись – наметился хоть какой-то путь, – Никитин вышел из квартиры Балаклава. Вставил в замок свое воровское устройство, чтобы закрыть дверь, и тут его царапнула новая неприятная мысль: а ведь дверь-то была закрыта ключом, получается, Вениамин закрывал ее сам. Но он предпочел отмахнуться от догадки, быстро сбежал по лестнице вниз, сел в машину и поехал в офис.

Маленький коллектив агентства «Инкогнито», с исчезновением Вениамина ставший прямо-таки крошечным, пребывал в состоянии полного уныния. Офис находился на первом этаже и хорошо просматривался с улицы, поэтому сотрудни-

ки всегда задерживали шторы. Но сегодня, видно, о такой мелочи никто не подумал. Денис сидел у окна и в задумчивости смотрел вдаль – вошедшего Андрея он не заметил. Ольга, подперев рукой щеку, созерцала стену. Создавалось впечатление, что в таком неподвижно унылом состоянии они находятся уже не первый час и вытащить их из этого ступора будет непросто. Но едва Никитин вошел, нарочно громко стукнув дверью, они оба вскинулись и бросились к нему.

– Ну что? – спросила Ольга, забыв поздороваться.

– Узнали что-нибудь? – тоже, вместо приветствия, спросил Денис.

Он не говорил им, что едет домой к Балаклаву, но они догадались сами. Не имело смысла дальше что-либо от них скрывать, и Никитин рассказал о результатах своей не вполне законной вылазки. Денис и Ольга согласились, что начинать нужно именно с прояснения личности женщины.

– Думаю вырезать подходящий кадр из фильма, где лицо хорошо видно, и послать Бородину, пусть пробьет по своей базе – может, она уже давно сидит, тогда...

– Тогда дело дрянь, – закончил Денис. – Если не она виновата в исчезновении Вениамина, то я не знаю.

– Разве я сказал, что она виновата? – Андрей недовольно нахмурился. – Ты, наверное, плохо слушал. Я говорил, что нужно просто установить ее личность, узнать, где она сейчас находится, ну и в соответствии с этим действовать. Если сидит, то тут ничего не попишешь – к ней у нас доступ закрыт,

а если не только на свободе, но и вообще вне подозрений – другое дело. Мы сможем... – Он посмотрел на Дениса, вид которого в этот момент не внушал доверия, махнул безнадежно рукой и раздраженно закончил: – То есть я смогу поближе с ней познакомиться. Вряд ли удастся добиться от нее откровенности, но поговорить можно, так, на общие темы, может, что и всплывет. Еще хорошо бы пробить электронный адрес, с которого послали нам и Балаклаву это письмо. Не знаю, как без Вениамина это устроить, Бородин тут не поможет. Да и полностью посвящать в это дело его не хотелось бы.

– А если попробовать пока просто написать на этот адрес? – предложила Ольга.

– Думал, но... черт его знает, на кого можем нарваться. Неизвестно ведь, со своего адреса этот человек послал письмо или воспользовался чужим ящиком. Рискованно, но... Ладно, попробуем. Напишем что-нибудь нейтральное.

– Например, назначим встречу, – предложил свой вариант Денис, надеясь реабилитироваться, но рассердил не только Никитина, но и Ольгу.

– Ты что, совсем дурак? – накинулась она на него. – Тебе же сказали: нейтральное.

– Ну, тогда ждем подробностей. Он же писал: подробности при встрече, – не унимался Денис.

– Нет, не годится! – Андрей в задумчивости закурил, но тут же испуганно затушил сигарету, представив, как занудит

Венька: возле компьютеров курить он не позволял. И рассердился, сообразив, что никто не занудит. – Не то, совсем не то! – стукнул он в раздражении ладонью по столу – вспомнился разбуженный балаклавский компьютер, и он совсем затосковал. – Да я и не знаю, не до конца понимаю, чего мы хотим.

– Чтобы этот человек как-то проявился, – подсказала Оля, – если это он. Или чтобы стало понятно, что это не он, то есть письмо послано с чужого ящика.

– Не знаю, ничего подходящего не приходит в голову, – жалобно проговорил Андрей. – Венька бы что-нибудь придумал, да ему и придумывать ничего не пришлось бы – просто пробить адрес.

– Не переживайте вы так, Андрей Львович, он обязательно найдется. – Оля ласково на него посмотрела, подошла ближе, и Андрею представилось, что она собирается его погладить, утешая, как взрослая женщина маленького ребенка, и стало уже не просто тоскливо, а прямо-таки невыносимо. На глаза навернулись слезы, он отвернулся, быстрым шагом прошел к окну, распахнул форточку, закурил. – Давайте поздравим его с Днем России, завтра же 12 июня. По-моему, вполне нейтрально.

Ольга села за компьютер, вошла в почту. И тут возникло новое препятствие.

– Не знаю, как к нему обращаться, не писать же «Дорогой друг!». Ни имени, ни пола. И по адресу ничего не вычис-

лишь. Fleur@... Что такое fleur?

– Цветок, – машинально проговорил Андрей.

– Это я знаю, но... Что-то такое вертится, не могу уловить. – Ольга о чем-то задумалась.

– Пиши: «Привет!» Да и не все ли равно?

Оказалось, что действительно все равно. Напрасно они потратили столько времени, изобретая варианты, напрасно спорили. Адрес был заблокирован.

– По первому пункту пролетели, – подытожил их неудачу Денис. – Что ж, теперь вся надежда на Бородина. Но тут-то все просто. Скинем фильм в компьютер, вырежем кадр и пошлем.

Очень скоро выяснилось, что вовсе не просто. И Андрей, и Денис, и Ольга были весьма посредственными компьютерщиками. Возились они долго, но безуспешно.

– Ничего у нас без Веньки не получается, – снова затыкнул свою слезливую арию Никитин и вдруг осекся, замолчал. – А знаете, – заговорил он через некоторое время, – мне сейчас пришла в голову мысль: может, Балаклава похитили именно для того, чтобы мы не смогли раскрыть это дело? Здесь все построено так, что без программиста мы шагу ступить не можем. И этот фильм, и адрес, да и все вообще. Веньку нейтрализовали, а нового программиста, и высококлассного, и такого, которому можно довериться, быстро найти трудно. Да невозможно найти! В таком случае... есть надежда.

– Все зависит от того, как, собственно, его нейтрализова-

ли, – ляпнул Денис, тут же испугался, что опять разразится гроза над его глупой головой, отвернулся к компьютеру и заработал с удвоенной силой.

В конце концов именно ему удалось вычленить злополучный кадр. Все его глупости были забыты, Дениса расхвалили и произвели в и. о. компьютерного гения на время отсутствия Вениамина.

Андрей позвонил Бородину и договорился с ним о встрече. Посылать фотографию по электронке он передумал: у вечно загруженного работой Ильи не скоро бы руки дошли заняться еще и его делом, а так не отвертится.

* * *

Бородин пил чай – кроваво-красного, какого-то зловещего цвета, – вопреки обыкновению; в его арсенале имелось всего лишь два напитка: кофе и пиво.

– Привет! – Он отхлебнул из кружки, сморщился и протянул Андрею руку. – Гипертония привязалась, – пожаловался он, кивая на кружку, – перевели вот на эту кислятину. – Он снова отпил и снова сморщился. – О Вениамине все так же, ничего не слышно?

– Не слышно. – Андрей вздохнул. – Я как раз по его поводу. – Он достал распечатанную фотографию, положил перед Бородиным. – Это мы нашли в Венькином столе, – начал он бодро и замолчал, смутившись: ему неудобно было исполь-

зовать Илью втемную, что-то было в этом нечистоплотное и подлое. Открытый, бесхитростный Бородин так доверчиво посмотрел на него, что Андрей совсем застыдился. «Словно ребенка обманываю», – подумалось ему. Но делать было нечего. О фильме рассказывать рано. Да, рано, рано, совсем нельзя сейчас о фильме рассказывать. Почему рано, почему нельзя, он и сам бы не мог ответить, но чувствовал, что так оно и есть. Потом, позже, когда настанет «можно», он все объяснит, извинится, стерпит обиженную ругань Ильи, согласится, что свинья неблагодарная, но сейчас...

Бородин взял фотографию, долго вертел ее в руках, внимательно рассматривая, вздохнул, покачал головой.

– Это что, Венькина подружка? – спросил он наконец и с сомнением посмотрел на Никитина.

– Ну... думаю, да, иначе чего бы ей делать в его столе?

– Странно. – Илья опять вздохнул. – Не могу представить Вениамина рядом с этой дамочкой. Такая она сексапильная, такая рыжая, прямо-таки роковая женщина. Не вяжется с ней наш Балаклав, хоть ты тресни.

– Вяжется, не вяжется. Венька тоже не барахло какое-нибудь, – обиделся за друга Никитин, хоть вполне разделял бородинские сомнения.

– Да нет, я ничего, Вениамин классный парень и умница, каких поискать, просто...

– Завидуешь, что ли? – Андрей засмеялся. – Ладно, пробей ее по базе, не привлекалась ли, не замечена, ну и все в

таком роде.

– А что, – Бородин вдруг чему-то обрадовался, – думаешь, могла привлекаться? Дама с прошлым?

– Не знаю, но ты пробей на всякий случай. И вообще, неплохо бы адресок ее узнать.

– Не смей! – Бородин в шутку погрозил Никитину пальцем. – Не забывай, у тебя семья. Кстати, как они?

– Нормально.

– Ну хорошо. Ты тут пока покури с полчаса, а я попробую дамочку нашу на чистую воду вывести. Кофе больше не держу, но могу предложить каркаде. Очень полезный напиток, хочешь?

– Нет, спасибо, лучше покурю.

– Не факт, что лучше, но как хочешь.

Андрей отошел к окну, закурил, рассматривая милицейский дворик внизу, Бородин сел за компьютер. Подъехала машина, из нее грузно вывалился Морозов, непосредственный начальник Ильи. Пробежала собака. Оживленно щелкали клавиши. Андрею вдруг вспомнилась любимая балаклава-присказка: нет такого человека, на которого нельзя было бы собрать информацию, и на душе стало совсем тоскливо. Вот теперь информацию собирают на самого Веньку. Хотя... может, эта женщина с ним никак и не связана.

– Андрюха, – позвал Илья, – посмотри, она, не она? Не пойму что-то. Вроде похожа, но... Какая-то она здесь совсем не такая. Я ее по паспортной базе пробил.

Андрей выбросил окурок в форточку, подошел. Оба некоторое время молча всматривались в экран монитора.

– Вроде она, – неуверенно проговорил Никитин, перевел взгляд на распечатанную фотографию, потом снова посмотрел на экран. – Черты лица схожи: нос, губы, овал лица.

– Вот то-то и оно. Черты похожи, но ведь это две совершенно разные дамы. Одна – женщина-вамп, – он кивнул на распечатку, – а эта... ну, не знаю. Если бы у Веньки с ней роман приключился, то я бы и не удивлялся.

– Да нет, все же это она. Волосы перекрасила, прическу сменила, имидж... Надоело быть вот такой аптечной ромашкой, ну и решила преобразиться.

– Ладно, она так она. – Илья пожал плечами. – Значит, что мы имеем? Зовут сию особу Зимина Ксения Александровна, двадцать восемь лет, уроженка нашего города, проживает по адресу: Тимирязева, сорок, квартира пятьдесят. Не судима и вообще в поле зрения органов не попадала, ни на психиатрическом, ни на наркоучете не состоит. Вполне примерная гражданочка. Правда, полгода назад развелась. Думаешь ее навестить? – Бородин подмигнул Никитину и протянул лист с распечатанной информацией.

– Возможно, – задумчиво проговорил он. – А что там с мужем?

– С мужем? С каким мужем?

– Ну, ее мужем. Ты говоришь, разведена, значит, муж имелся.

– Нет, ну вы посмотрите на этого примерного семьянина! – Илья в шутку ткнул в него пальцем. – Хочешь явиться перед этой рыжей во всеоружии? Прозондировать мужа на предмет его возможной ревности... Опасаешься преследований бывшего? Я все Насте расскажу.

– Да чего мне опасаться? – Андрей рассмеялся. – Ты же меня знаешь: прирежу, и все дела. А если серьезно, пробей-ка мне и его.

– Ладно, пробую, – проворчал Бородин. – Ходят тут всякие, от работы отвлекают.

– И фотку, если можно, – совсем обнаглел Никитин.

– Можно.

Андрей не стал отходить к окну, стоял за спиной Бородина и наблюдал за его работой, отчего-то волнуясь. Минут через пять на экране появилась фотография Зимина Анатолия Сергеевича. И этот Зимин Анатолий Сергеевич ну ни капельки не походил на мужчину, убитого в фильме. Он шумно выдохнул воздух, Илья обернулся и посмотрел на него с удивлением.

– Ты его знаешь?

– Нет, – пробормотал Андрей. – В том-то и дело. Не он это.

– Кто не он?

– Да так.

– Темните вы что-то, господин Никитин. Ну да Бог вам судья.

– Спасибо, Илья, – заторопился Андрей, чтобы избежать дальнейших расспросов.

– Подожди! Зимина тебе распечатать?

– Ну распечатай, – без всякого энтузиазма согласился Никитин. Он нетерпеливо переминался с ноги на ногу, пока принтер работал, затем взял лист, сложил его и небрежно сунул в карман. – Спасибо еще раз, с меня пиво, – начал Андрей привычную фразу, но осекся, посмотрел на Бородина, который, обидевшись на его небрежность, снова взялся за кружку со своим чудо-снадобьем. – Нет, пожалуй, не пиво, ты у нас теперь инвалид. Лучше подарю-ка я тебе большую коробку каркаде.

– Издеваешься?

– Нет, забочусь. – Андрей попрощался с Ильей и вышел из кабинета.

* * *

С Зиминной он решил встретиться не откладывая, тем более было шесть часов вечера – самое подходящее время, чтобы застать человека дома. Но едва отъехал от милиции, как зазвонил телефон, зазвонил той, казалось теперь уже невозможной, Венькиной мелодией. Это было так невероятно, что Андрей сначала не поверил: сидел, ошарашенно смотрел на трубку и слушал марш из «Щелкунчика». И только когда марш пошел на четвертый круг, наконец ответил.

– Да, – сказал он, все еще не веря в удачу, и осторожно спросил: – Это Вениамин?

– Вениамин, – подтвердили ему. Голос был, без всякого сомнения, Венькин.

И тут Андрея прорвало.

– Какого черта?! – закричал он в трубку так, что чуть сам не оглох. – Где ты был? Что случилось?

– Обстоятельства личного характера, – сухо проговорил Венька.

– Да ты что?! – взбеленился Никитин. – Какие обстоятельства?! Мы с ног сбились, не знали, где тебя искать. Я и милицию в лице Бородина подключил.

– А вот это напрасно. Милиция здесь совершенно ни при чем. Скажите Бородину, что я нашелся и искать меня не нужно.

– Нашелся?

– Нашелся. Не нужно так кричать, Андрей Львович. Собственно, я и не терялся.

– Как не терялся?! – Никитин от возмущения задохнулся. – Что значит не терялся?! Где ты сейчас?

– Дома, – непробиваемо спокойно ответил Вениамин.

– Как дома? Черт! И когда же ты там появился?

– Да я все время был дома.

Никитин в бешенстве стукнул кулаком по рулю – попал по сигналу.

– Что ты несешь? Как ты мог быть дома, когда я к тебе

заходил сегодня...

– Простите, Андрей Львович, я не мог вам открыть. Я... был не один.

– Черт! – совсем уж рассвирепел Андрей. – Я был у тебя в квартире. Внутри. Сегодня. Утром.

– Да? – чуть-чуть насторожился Вениамин. – И что?

– Не было тебя там. Так что не нужно мне лапшу на уши вешать! Уволю к чертовой матери. Кстати, в какое это ты дерьмо умудрился влезть?

– Что вы имеете в виду, Андрей Львович? – надменно произнес Вениамин.

Андрей Львович! Да он просто издевается!

– Прекрати идиотничать! – заорал Никитин. – Сам знаешь что. Ты компьютер выключить забыл. Если ты сейчас действительно дома, понимаешь, о чем я...

И тут Андрей осекся: что-то во всем этом было не так. Странно вел себя Венька. Слишком спокоен, слишком официален и ни тени раскаяния. Да и речь его какая-то не такая – чужая речь. Он не сразу сообразил – чересчур уж был взволнован неожиданным Венькиным звонком, а потом чересчур взбешен...

– Андрей Львович, вы меня слушаете? – позвал Вениамин.

Ну вот, и это непрестанное «Андрей Львович», и обращение на «вы». И это непробиваемое спокойствие, прямо-таки замороженное какое-то спокойствие. А может, никакое это

не спокойствие? Может, наоборот, напряжение? То самое напряжение, когда собираешь все силы, чтобы не сорваться? Или... или когда ведешь разговор под дулом пистолета?

– Андрей Львович, вы слушаете?

– Да, да, – рассеянно проговорил Никитин, соображая, о чем можно теперь спрашивать Веньку, о чем нельзя и как сделать так, чтобы тот смог подтвердить или опровергнуть его ужасную догадку, не вызывая при этом подозрений. – Я тебя внимательно слушаю, Вениамин. Хотелось бы знать, когда ты намереваешься выйти на работу?

– Недельки через две. – Вениамин напряженно хохотнул. – Оформите мне отпуск, если хотите, неоплачиваемый. Семейные обстоятельства, понимаете?

– Понимаю! – нарочито яростно рявкнул Андрей: он вдруг понял, зачем заставили позвонить Вениамина – чтобы его не искали. – Ищи себе другую работу! Мне ты больше не нужен.

Андрей напоследок грубо выругался и отключился.

«Идиот!» – выругался он вторично, уже на себя. Полный идиот! Как же он сразу не понял. Обрадовался, как последний дурак, услышав Венькин голос, – и просто отупел, оглох, ослеп, никакого подвоха не почувствовав. И чуть не проговорился. Вернее, почти проговорился, слава богу, хоть потом спохватился и о фильме не успел ничего сказать. В Венькиной квартире они, судя по всему, еще не были, иначе бы письмо попросту грохнули, а компьютер выключили...

Да ведь, кажется, и он компьютер не выключил. Забыл. Ну точно, забыл!

Веньку взяли не в квартире, теперь это ясно. Как же он утром этого не понял? Воображал дурацкие картины, вместо того чтобы соображать.

Черт! Да ведь Вениамин наверняка намекал на то, чтобы он к нему домой приехал и грохнул все нежелательное, когда говорил, что находится дома. Ничего он не понял! Только зря на Веньку наорал. Впрочем, что наорал – это хорошо, правдоподобно вышло, будто специально подыгрывал. А в остальном... Странно, почему Балаклав не выключил компьютер, если взяли его не из квартиры? Или, может, специально оставил включенным? Зачем? Предполагал, что Андрей рано или поздно к нему проникнет и поймет, по каким следам его искать? Но если бы проник не он, а кто-то другой?

Ладно, сейчас некогда с этим разбираться, сейчас главное – успеть опередить тех; они, после его промашки, наверняка захотят узнать, что там такого у Веньки интересного в компе. Опередить и пустить по ложному следу. Трудно сказать, насколько Веньке это поможет, но попытаться все-таки стоит.

Андрей гнал на бешеной скорости и молил Бога, чтобы какой-нибудь ретивый гаишник его не остановил. Гнал, и ругал себя за позднее зажигание, и судорожно соображал, что бы такое загрузить в балаклавский компьютер. Нарботки по прошлому делу? Нет, не годится. Нужен такой материал, который мог бы корреспондироваться с содержанием

фильма. Пикник, убийство... Нет у него ничего про пикник! Убийств, правда, хоть отбавляй.

Изображение улицы. Да, нужно дать фотографию какой-нибудь обыкновенной городской улицы или просто дома – безликого, какой не так просто вычислить. Пусть поломают голову, что бы это значило. Имеется у него в ноутбуке один такой дом. А еще... Подошла бы машина, тоже вполне безликая, вид сбоку, номеров не видно, какая-нибудь побитая жизнью «шестерка». Да вот хоть как эта. Андрей присмотрел притулившуюся к обочине машину, остановился, несмотря на то что очень спешил, сфотографировал ее и погнал дальше.

Венька ни за что не скажет им, кто бы они ни были, что именно он успел нарыть, хоть режь его.

Тот еще партизан, когда дело касается работы. Это он на сердечные темы болтлив. Так что, вполне возможно, финт с фотографиями и лжедокументами пройдет. Правда, непонятно, зачем они его где-то держат.

Ладно, об этом позже. В какое бы дерьмо Венька ни вляпался, он его вытащит, а сейчас главное – успеть...

Андрей подъехал к дому Балаклава, осмотрелся – вроде никаких подозрительных личностей. Достал из бардачка пистолет, сунул его в карман джинсовки, прихватил ноутбук и вышел из машины. Ни в подъезде, ни на площадке возле квартиры тоже никого не было. На несколько секунд он задержался возле двери, прислушался – ни звука. А вдруг все-

таки Балаклав дома? Может, он опять насочинял то, чего не было, а все очень просто: у Веньки действительно очередная душевная драма, не хочет никого видеть, вот и скрылся в своей норе? Почему он его не застал утром? Ну мало ли? Может, как раз в магазин выходил. А фильм лично к Вениамину не имеет отношения... Нет, фильм имеет, иначе бы письмо со ссылкой не прислали ему. Так что же делать? Позвонить?

Он протянул руку к звонку, но тут же ее отдернул. В любом случае осторожность не помешает. А если Венька окажется дома, что ж, извинится. В конце концов, свои люди, уж как-нибудь разберутся.

Осторожно, стараясь не производить шума, Андрей открыл замок и скользнул в квартиру.

Все было как утром: ничего ни прибавилось ни убавилось. И Веньки, конечно, не оказалось. Андрей закрыл дверь и кинулся к компьютеру – тот безмятежно спал, не ведая, что хозяин в беде.

– Дрыхнешь, скотина? – обратился он к нему, как к ленивому слуге, и непочтительно потряс мышкой. – Ну, просыпайся, продирай глаза!

Первым делом необходимо было «грохнуть» письмо, что Никитин и сделал. Проверил почту – никаких новых посланий. Хорошо это или плохо, думать было некогда. Создал папку «День рождения» – ничего более оригинального в этой спешке ему в голову не пришло. Загрузил несколько карти-

нок: дом, сфотографированную на обочине дороги машину, сквер. Подумал немного и из разных прежних дел перекачал обрывочную информацию, заменив имена и фамилии на вымышленные. Бегло просмотрел Венькины файлы (у этого бытового неряхи в компьютере был идеальный порядок) – вроде никакой опасной информации. Во всяком случае, на первый взгляд, а если Балаклав что-то зашифровал, все равно никто, кроме компьютерщика его уровня, не сможет понять, так что беспокоиться нечего.

Осталась непросмотренной только папка с играми. Для очистки совести Андрей решил и ее проверить. И вот тут-то натолкнулся на нечто действительно интересное. Одна из игр называлась Fleur – именно так начинался электронный адрес, с которого был послан фильм, и пароль к ссылке. Но не поиграть в нее, ни даже открыть он не успел – на экран упала тень, и тут же на Андрея что-то обрушилось сверху. Падая, он попытался ухватиться за компьютерный стол, запрокинул голову, чтобы увидеть напавшего... но не смог ни удержаться, ни увидеть, провалившись в абсолютную темноту.

Глава 3

Перевоплощение (Ксения Зимина)

А через неделю я окончательно капитулировала. Эта рыжая ведьма меня заколдовала, иначе объяснить не могу, почему настолько поддалась ее влиянию. Я хотела доказать себе, что я – это вовсе не она, а закончила тем, что превратилась в нее окончательно.

Все началось в прошлый понедельник, 27 мая. Помню, проснулась, приняла душ, позавтракала и разработала план здоровых, разумных действий. Прежде всего нужно позвонить мужу – бояться мне нечего: я ведь точно знаю, что не убивала его, что муж мой – не тот человек, с диска. Просто кто-то меня морочит для каких-то – возможно, преступных – целей. Взяла телефон – и тут... Ни одного знакомого имени в записной книжке моего мобильного не оказалось, но я не сдалась. Я отлично помнила номер домашнего телефона мужа. Ответила совершенно незнакомая женщина, объяснила, что она и есть жена, но я и тут не отчаялась: что ж, он вполне мог снова жениться и мне ничего не сказать. Конечно, при таких обстоятельствах звонить туда больше не стоит, но есть и другой вариант – Вика, бывшая моя подружка. Мы знакомы сто лет. Ее домашний номер я тоже помню.

Думала, что помню... Наверное, какую-то цифру все же перепутала. Потому что этот номер принадлежал магазину «Золотой крючок» для любителей охоты и рыбалки. «Ужасная память на цифры», – сказала я себе бодрым тоном и унывать не стала. Еще есть мои родители, ученики: шесть на английском, трое на французском.

До родителей я не дозвонилась, а номера всех моих учеников были занесены только в мобильный. Позвонить по тем, чужим, номерам, которые там появились вместо моих, я не решилась. Потрогала шрам на боку и села смотреть кино.

Тут-то, наверное, я и допустила ошибку. Хотела разоблачить ее, но сама оказалась разоблаченной.

Всю неделю я ее изучала – фильм просмотрела раз сто, не меньше. Анализировала жесты, слова (те, что не заглушал лай собаки). Хотела опровергнуть, пыталась понять... Но вдруг поймала себя на том, что ничего больше не анализирую, а впитываю и прямо-таки упиваюсь этим занятием. Бросила смотреть и обратилась к Интернету. Сначала мне повезло, я ее подловила. О фильмах, которые были указаны на сайте, либо не было вообще никакой информации, либо в них я играть не могла, потому что сняты они были в семидесятых-восемидесятых, а некоторые к тому же за рубежом (Америка и Франция). Но потом... Все фотографии оказались видеописьмами, обращенными ко мне. А она, эта рыжая ведьма, сумела меня убедить. Она говорила, что многое мне может показаться странным, но так и должно быть, что

верить я должна только ей, что меня она понимает. И улыбалась, так грустно, так проникновенно... Она проникла мне в душу, как вор проникает в чужую квартиру – я еще понимала, что она вор, еще понимала... хваталась за это, как падающий пытается удержаться, хватаясь за край обрыва...

А потом нашла краску для волос. Случайно, в ванной, в шкафчике, в самой глубине, за средствами для снятия макияжа. Я редко ими пользуюсь, потому что почти не крашусь. А тут решила поэкспериментировать – просто так, не для того, чтобы на нее походить... у любой женщины время от времени возникает такое желание. Ну вот, я просто решила поэкспериментировать, а когда собралась смыть косметику, натолкнулась на краску для волос. Цвет назывался «Горная вишня». Когда я ее купила? Не помню. Коробочка не выглядела новой, но срок годности еще не истек. Достала инструкцию... Нет, честное слово, краситься я не собиралась. Ведь одно дело – нанести макияж, примерить чужую одежду, совсем другое дело – перекрасить волосы. Это уже почти необратимый процесс. Это уже...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.